

Двести лет спустя

Идеология охранительства в контексте современности

Борис ЛЕПЕШКО,
доктор
исторических наук

У точки зрения, получившей со временем название «идеология охранительства», незавидная судьба. Практически с момента ее появления и концептуального оформления, а это третья четверть XIX века (хотя некоторые идеи были сформулированы несколько раньше, во времена министра народного просвещения России С.С. Уварова), ее сопровождали оценки и характеристики, как правило, негативного свойства. Прослыть «охранителем» тогда, во времена Александра Герцена, Николая Чернышевского, Дмитрия Писарева, Николая Добролюбова, значило то же самое, что записаться в обскуранты, махровые консерваторы, словом, причислить себя к стану «врагов прогресса» и защитников обветшавшей российской монархии.

Охранительство подразумевало духовное, идеологическое родство с политикой и взглядами Константина Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода, главного охранительного идеолога страны во второй половине XIX века. Быть охранителем значило упорно держаться за старое, не видеть и не понимать важности и необходимости конституционных, демократических перемен. Хотя надо сразу же заметить: появление охранительной идеологии – это во многом ответ на вызовы идеологии революционно-демократической и либеральной.

Но дело ведь не только в XIX веке. Идеология марксизма, устремленная к сияющим высотам коммунистического общества, на словах всеми силами и средствами ограждала себя от охранительных идеологических предпочтений, вновь оперируя такими понятиями, как «прогресс», «передовые идеалы», «борьба с отжившими ценностями прошлого» и т.д. То есть и в веке XX ей вроде бы не нашлось места, как не нашлось его и реликтам консервативного, прежде всего, мышления. Что уж говорить о веке нынешнем, когда в ходу все больше «модернизация», «европейские ценности», «передовой западный опыт», «вестернизация» и т.п.

Тем не менее, на наш взгляд, есть смысл вернуться к идеологии охранительства в том виде, в каком она была сформирована ее теоретиками, прежде всего М.Н. Катковым, К.П. Победоносцевым, К.Н. Леонтьевым. Но рассмотреть ее стоит вовсе

не в силу абстрактного академического интереса. На наш взгляд, охранительство присуще не только тому времени, в котором оно было рождено. Представляется, что в той или иной степени эта идеология «жила» с нами последние два века, если быть более точным, почти два. Разве не была «охранительной» идеология марксизма? Разве не была основной функция «охранения» для многочисленных идеологических концептов, рожденных на переломе прошлого и нынешнего веков? Разве не утверждают применительно к политике модернизации Д.А. Медведева, что она консервативна по духу и сути? Скажут: предмет идеологии охранительства в этом контексте чрезмерно расширен, теряется сама ее суть в «чистом», историческом виде. Но ведь функция охранительства присуща любой идеологии, поскольку всякая из них призвана защищать ту систему ценностей, которой она рождена. Что ж, аргументы весомые. Однако они опять-таки подтверждают важность и необходимость обращения к предмету исследования.

ЦЕНА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Михаил Никифорович Катков, с трудным характером, амбициозный, очень талантливый публицист и организатор журнального дела, вошел в историю журналистики как родоначальник политической печати. Но что важно: становление последней в России и концепту-

альное формирование идеологии охранительства фактически совпали по времени. В 1862 году редактор «Русского вестника» писал: «В чем состоит истинное назначение охранительного начала? Истинно прогрессивное направление должно быть, в сущности, консервативным... Чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых оно основано и без которых прогресс обратится в воздушную игру теней» [1, с. 20]. «Чуткий, понимающий себя консерватизм, не враг прогресса, нововведений и реформ; напротив, он сам вызывает их в интересах своего дела, в интересе хранения, в пользу тех начал, которых существование для него дорого; но он с инстинктивной заботливостью следит за процессом переработки, опасаясь, чтобы в ней не утратилось чего-нибудь существенного. Истинно охранительное направление, в сущности, действует заодно с истинно прогрессивным» [1, с. 20–21].

Здесь сформулировано сразу несколько фундаментальных идей идеологии охранительства. Первая из них заключается в том, что данная идеология, по сути, является консервативной. В контексте приведенных мыслей М.Н. Каткова идеология охранительства и идеология консервативная – понятия синонимичные. Оговоримся сразу же,

что есть несколько понятий, близких по смыслу, но не тождественных, в которых в той или иной мере отражается идеология охранительства. Это, скажем, тот же консерватизм, традиционализм (Э. Бёрк) и некоторые иные.

Второй посыл: прогресс как таковой не обладает самоценностью; он имеет смысл тогда, когда коренится на неких основополагающих, базовых, традиционных ценностях. Вообще говоря, понятие «прогресс» встречается в идеологии охранительного направления столь часто, что становится понятно: его сторонники хорошо понимали важную проблему соотношения прошлого и будущего, традиций и новаций. Более того, смысл некоторых ремарок, в данном случае М.Н. Каткова, в том, что охранительство всегда «подавалось» как синоним развития, но никак не стагнации. Быть консерватором, охранителем значило смотреть и двигаться вперед, однако при условии сохранения базовых ценностей. Конечно, трактуемое таким образом развитие понималось различными идеологами по-разному.

Третье положение: противоречия между «прогрессом» и «охранительством» если и существуют, то носят искусственный, неорганичный характер. Развивая эту мысль, великий публицист отмечал, что прогрессистом выглядеть легко, почетно: кто ж будет возражать против светлого будущего, окрашенного в розовые тона. Консерватор же – это обскурант, крепостник, ненавистник рода человеческого. Прогрессист, очевидно, человечеству друг, готовый на любые мыслимые жертвы во имя просвещения, гуманизма, реформ. Ошибка здесь, по мнению М.Н. Каткова, заключается в непонимании самой сути охранительства как идеологии. Дело в том, что «интерес охранительный состоит не в том, чтобы помешать дальнейшему развитию начала, которое ему дорого, но чтоб обеспечить и оградить самое его существование» [1, с. 111].

Но в связи с этим закономерно встают два вопроса. Первый: какие начала нужно охранять? И второй: не вступает ли охранение в противоречие с жизнью, не является ли оно тормозящим фактором, который должен быть устранен?

О Б АВТОРЕ

ЛЕПЕШКО Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в городе Волковыске Гродненской области. В 1978 году окончил Гродненский университет имени Я. Купалы, в 1983 году – аспирантуру Института философии и права АН БССР. Работал заведующим орготделом Гродненского горкома ЛКСМБ (1978–1980). В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ. С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени А.С. Пушкина. В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета имени А.С. Пушкина. С 2007 года – профессор БрГУ имени А.С. Пушкина, профессор Опольского университета (Польша). Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001). Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей. Среди них монографии, сборники публицистических работ, эссе, повести, статьи. Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

Русская революционно-демократическая, да и либерально-демократическая традиция давно дала ответы на эти вопросы: конечно, охранительные ценности, охранительная практика – тормозящий фактор на пути все того же прогресса. Но если мы с позиций уже XXI века попробуем взглянуть на этот исторический спор, все будет выглядеть не так однозначно. К примеру, если оставим за скобками благородные намерения, двигавшие лидерами марксистов, либералов, а обратимся к практике, то заметим, что бедствия и страдания, которые пришлось вынести славянским народам ради прогресса, оказались буквально неисчислимыми. Приводить цифры и факты нет надобности, они широко известны. Замечу лишь, что гражданская война и перестройка – это явления, по сути, одного порядка, и говорить о том, что все жертвы были принесены во имя реализации передовых революционно-демократических, либеральных идей, – значит, сознательно дискредитировать эти идеи.

Но вернемся к М.Н. Каткову. Существенными элементами охранительной идеологии, которую выстраивал мыслитель, были самодержавие, монархический принцип; ценности православной веры и мировоззрения; стремление к реализации сильной национальной политики и защита, прежде всего, национальных интересов; обязательные и существенные реформы в сфере образования и науки; идея геополитического, мировоззренческого единства восточных славян и некоторые иные. В данном случае нет возможности подробно анализировать все идеи, обратимся к важнейшим постулатам.

Мыслитель исходил из того, что «мы бедны», что начала нашей жизни еще только оформляются, что у нас фактически нет политической жизни, а вместо гражданского общества – некие призраки идеи и имитация активности. Мы фактически одиноки в мире, и многие готовы «разорвать нас на части» как в фигуральном, так и в буквальном смысле слова. Русская земля собралась только после Петра. «И теперь нам говорят, что русская земля через меру обширна, что мы обязаны отречься от нашей истории, признать ее ложью и призраком и принять все зависящие от

нас меры, чтобы обратить в ничто великий результат, добытый тяжким трудом стольких поколений. Нам говорят... что обширное протяжение русской территории и тягостно, и неудобно и что оно должно быть снова раздроблено, раздроблено нашими собственными руками; нам говорят, что с нашей стороны и невеликодушно, и нелиберально занимать столь большое пространство; нам говорят, что мы должны возгнущаться громадностью нашей государственной области, что мы должны отделить от нее преимущественно западные окраины...» [1, с. 74]. Эта цитата примечательна и тем, что в контексте первого десятилетия XXI века мало кто заметит стилистику прошлых лет, но все согласятся с ее фактической истинностью.

Мыслителю принадлежит ряд верных формулировок, сохранивших актуальность по сей день. Скажем, он замечает, что «власть государства не на мнениях основана; или ее нет на деле, или она держится сама собой, независимо от мнений» [1, с. 85]. Далее М.Н. Катков отмечает, что «в вопросах государственного свойства все должно оцениваться с точки зрения государства, и притом не какого-нибудь, не отвлеченного, но действительного, живого, того, которому мы служим» [1, с. 90]. «Национальная политика состоит только в том, чтобы правительство было правительством своей страны, чтобы оно было силой только своего народа...» [1, с. 149]. И еще: «Мотив жалости имеет место и смысл только между людьми, отнюдь не между государствами. Слабое государство, не способное ни обороняться, ни управляться, не жалеют, а презирают и – добивают» [1, с. 154].

Получается, весь вопрос в том, что и как охранять. Если речь идет о государстве, национальных интересах, праве на собственное понимание национальных ценностей, то смысл в этом есть, и немалый. Что же касается «прогресса», «либеральных ценностей», «коммунистических ценностей», то, очевидно, они могут быть приняты сами по себе, но с учетом

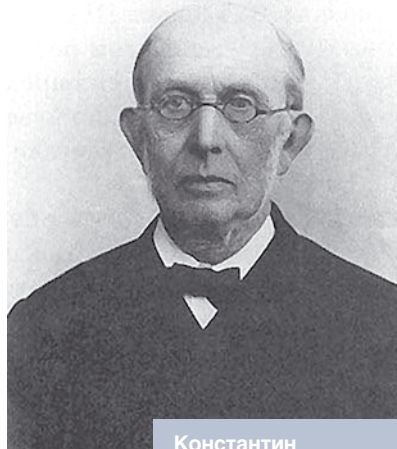
Михаил
Никифорович
Катков

«цены вопроса». Если для их достижения должна пролиться кровь, то они не только неконкурентоспособны, но и нежизнеспособны.

Немалое значение имеют и личные качества охранителей. Да, тот же М.Н. Катков был амбициозен, мог преувеличивать свое влияние на царя, расстановку министров и т.д. Но его критика влиятельных лиц в ряде случаев была столь резкой, вскрываемые им проблемы столь ошеломляющими, что для сомнений в личной искренности и неангажированности политика просто не остается места.

Конечно, Россия времен М.Н. Каткова – это не Англия, не США, не Франция и не Германия. Россияне, активно читавшие зарубежную литературу, бывавшие за границей, познакомившиеся с конституционной, политической практикой, уровнем жизни населения за границей, «привозили» с собой идеи, которые никак не увязывались с охранительной идеологией. Так жить в России дальше было нельзя, и это понимание становилось преобладающим в обществе. Однако все упиралось в то, какими путями можно было реализовать светлые и благородные цели. М.Н. Катков предлагал охранять базовые (на его взгляд) ценности и, укрепляя их, привносить в политическую, экономическую жизнь новые идеи и привлекать свежие силы.

Надо признать прямо: общество не поддержало ни его самого, ни его идеологию. Страна вступила на путь конституционных реформ, политических изменений, на путь революций и гражданских войн. В их ходе пострадали и погибли не десятки, не сотни – миллионы. Между тем главная идея М.Н. Каткова сегодня может «читаться» и восприниматься по-другому. Суть ее восприятия проста: **обществу надо определить базисные национальные ценности и, сохраняя, развивать их, относясь с достаточной долей скепсиса к различным идеологемам как «восточного», так и «западного» свойства.**

Константин
Петрович
Победоносцев

ОБРЕЧЕННЫЙ НА НЕПОНИМАНИЕ

Кто только не цитировал стихи А. Блока, в которых говорилось о Победоносцеве, распростершем над Россией свои «свиные крыла». Но с позиций сегодняшнего дня политическая, философская и литературная деятельность этого известного охранителя тоже выглядит не так однозначно.

То, что обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев был ярким представителем этого течения, сомнений не вызывает. Самодержавие, православие, народность – «уваровская тройка» налицо. Налицо и неприятие конституционализма, парламентаризма, причем аргументация выглядит известной, даже графаретной. Скажем, в письме к Александру II он пишет: зачем в России конституция, потому что вся Европа в конституциях? «Да мало ли в какой проказе Европа грехами своих фарисеев и книжников? Не прививать же России, к, слава богу, здоровому телу вместо православия папизм и нигилизм, вместо общины майорат и пролетариат, вместо самодержавия конституцию и коммуну только потому, что в Европе ни Бога, ни царя, ни народа» [2, с. 12]. А вот уже из письма к Александру III: «Странно слышать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма» [2, с. 40].

Конечно, цитируя самого К.П. Победоносцева, надо учитывать жесткое неприятие конституционных идей со стороны русских монархов. Достаточно вспомнить замечание главы кабинета министров С.Ю. Витте, которое приводит в «Воспоминаниях» П.Н. Милюков. Речь шла о том, что власть должна была принять конституционные проекты. Глава кабинета министров отвечал на это так: «Государь относится к самодержавию, как к догмату веры, как к своему долгу, которого он ни в целом, ни в части уступить, кому бы то ни было, не может» [5, с. 252]. Да и известная ремарка П.Н. Милюкова, который пишет в своих текстах, что «великий князь Николай Николаевич с револьвером в руке вынудил

у царя подписание манифеста 17 октября» [5, с. 322–323], говорит о многом. Можно вспомнить позицию и предшествующего царя, Александра III (1883 год): «Я слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда-либо допустить его в России в том виде, как оно существует в Европе. Пусть меня ругают, и после моей смерти будут еще ругать, но, может быть, наступит тот день, когда и добром помянут» [2, с. 308].

Каким образом К.П. Победоносцев намеревался реализовать охранительные постулаты? Надо признать: эти меры не поражали новизной и принципиальностью. В 1887 году в письме царю он замечает: «Нельзя выследить всех их, нельзя вылечить всех обезумевших. Но надо бы допросить себя, отчего их так много, обезумевших юношей, не оттого ли, что мы ввели у себя ложную, совсем не свойственную нам систему образования, которая, отрывая каждого от среды своей, увлекает его в среду фантазий, мечтаний и несоответственных претензий и потом бросает на большой рынок жизни без определенного дела, без связи с действительностью и народной жизнью, но с непомерным и уродливым самолюбием, которое требует всего от жизни, ничего само не внося в нее» [3, с. 212]. То есть всё те же идеи: контроль за образовательным процессом, «реализм», «конкретное дело», за которыми просматривается стремление к укреплению ярко выраженной сословности.

В качестве примера вспомним о том жестком прессинге, которому подвергался В.С. Соловьев, выдающийся мыслитель либерального направления. После речи этого религиозного философа в 1881 году, в которой он призвал нового царя помиловать убийц Александра II, его лишили кафедры, он стал неугоден в государственных университетах и государственной печати. На публичных чтениях («Чтения о Богочеловечестве», в частности) всегда присутствовал «специально обученный человек», докладывавший обер-прокурору о характере произносимых речей. Вот, например, записка министра внутренних дел графа Д.А. Толстого: «Из прилагаемой справки Вы увидите, уважаемый Константин Петрович, что Соловьев не будет произносить

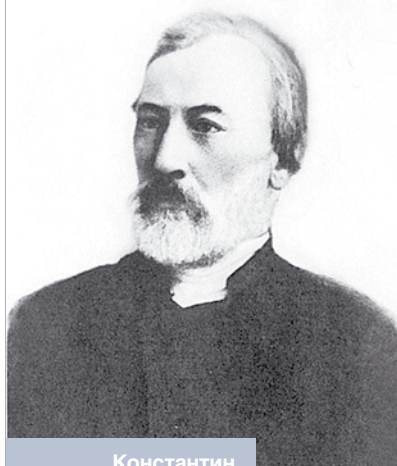
никакой речи на литературном вечере» [2, с. 331]. А вот письмо самого обер-прокурора Александру III (1888 год): «Благоволите, Ваше императорское величество, обратить внимание на прилагаемую статью о Соловьеве, коего действия возбуждают теперь столько толков и негодования в России. Вот до какого безумия мог дойти русский умный и ученый человек, и еще сын С.М. Соловьева. Гордость, усиленная еще поклонением со стороны некоторых дам, натолкнула его на этот ложный путь»

[3, с. 393]. Даже с учетом того, кому адресовано письмо, подобного рода ремарки подтверждают нежизнеспособность «охранения» в таком виде.

Другими словами, нет никакой необходимости идеализировать практику деятельности охранителей, поскольку, в частности, их жесткое отношение к свободомыслию любого рода известно. Но стоит обратить внимание на то, что и сам Победоносцев, и его критики соглашались: если бы Россию не «подморозили» тогда, в

последней четверти XIX века, то разрушение великой империи произошло бы намного раньше. Хорошо это или плохо – дело исключительно политического вкуса.

И К.П. Победоносцев, и К.Н. Леонтьев – патриоты Отечества, люди, преданные родной земле, граждане, которых никто не посмел назвать «компрадорами», «изменниками» и т.п. Когда сегодня думаешь, чем руководствовался тот же К.Н. Леонтьев в своем желании «подморозить» Россию, усиливая и укрепляя тот каркас, на котором держалась российская государственность, то понимаешь – в этом стремлении нет ничего личного, амбициозного, карьеристского. Налицо уверенность в своей правоте, основанная, главным образом, на двух вещах: основополагающих ценностях русского общества и теоретических, концептуальных выкладках. Суть последних (не буду прибегать к детальному разъяснению) общеизвестна и концентрируется вокруг нескольких положений. Назовем некоторые из них: «истинный прогресс в России возможен на основании только рус-

Константин
Николаевич
Леонтьев

ской народности» (М.Н. Катков); западные идеологи вносят смуту, «эти смутные идеи, проникая в невежественную среду и находя восприимчивую почву в бродячих элементах, окончательно сбивают с толку неподготовленные умы» (из письма Б.Н. Чичерина К.П. Победоносцеву [2, с. 102]); единая мировая цивилизация отсутствует, народы не имеют общей столбовой дороги, путей развития столько же, сколько исторических народов, отсюда важность, объективность национального своеобразия, неповторимости (К.Н. Леонтьев); религиозность иррациональна, и то, что внешне кажется отталкивающим в некоторых формах, по сути, является понятным, логическим и даже прекрасным (К.Н. Леонтьев) и некоторые иные.

Почему охранительная идеология в том виде, в каком она концептуально оформилась во второй половине XIX века, не принесла успеха? Прежде всего, несмотря на заявленные стремления к «развитию», «прогрессу», каждый шаг по пути этого развития давался очень тяжело, наталкивался на сопротивление многих консервативных сил и, прежде всего, двора. Неприятие основополагающих ценностей западной цивилизации было столь велико, что попытки реформ все время упирались в непреодолимый барьер «национальной специфики». Кроме того, не надо преувеличивать концептуальную целостность охранительных мероприятий идеологического характера: были «подходы», но не было того, что мы сегодня называем идиологемой.

Да и точки зрения основных теоретиков идеологии охранительства могли существенно расходиться. Это сегодня мы выстраиваем смысловой ряд: Катков, Победоносцев, Леонтьев... Но ведь основная работа К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» (1875) стала цитироваться тогда, когда «подмораживать», собственно, было нечего. А широко известным трактат стал фактически в наши дни, уже в конце XX века. Основной вывод из сказанного таков: **логика истории была не на стороне базисных ценностей охранительного содержания. Но это нисколько не означает, что сами ценности утратили свое значение в ходе последующего развития.**

УВАЖЕНИЕ К ТРАДИЦИИ

Советская государственность, идеология советского периода внешне были достаточно далеки от той триады, которая «отрабатывалась» деятелями охранительного направления. Самодержавие кануло в Лету, православию была объявлена мировоззренческая война, вместо «русской народности» появился «советский народ». Теория формаций «заменила» леонтьевские идеи о множестве столбовых дорог развития человечества, классовая теория – идею сословного представительства. И, вместе с тем, по мере развития и консервации советской системы идеология охранительства (частично – в новых формах, частично – реанимируя ценности прошлого) вновь заявила о себе.

Стало очевидным, что **общество испытывает потребность в ценностях консервативного порядка, почвеннических по духу, и «замена» в идеологических концептах слова «царь» на «генеральный секретарь», «народность» на «советский народ», экстраполяция светлого будущего с небес на землю ничего принципиально не меняет.**

Конечно, секретаря по идеологии брежневских времен Михаила Андреевича Суслова сложно поставить рядом с фигурой Константина Петровича Победоносцева: масштаб все же не тот. Победоносцев – университетский профессор, автор многотомного курса «Гражданское право», многих

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА» ПРОДАЕТСЯ

Минск

Брестская область: Барановичи, Брест, Пинск

Витебская область: Витебск, Глубокое, Городок, Докшицы, Лепель, Орша, Полоцк, Поставы

Гомельская область: Гомель, Житковичи, Жлобин, Калинковичи, Мозырь, Речица, Рогачев, Светлогорск, Хойники

Гродненская область: Гродно, Кореличи, Новогрудок

Минская область: Борисов, Вилейка, Молодечно, Слуцк, Солигорск

Могилевская область: Бобруйск, Глусск, Горки, Кировск, Могилев, Осиповичи, Чериков, Шклов

ПОДПИСКА – СТОПРОЦЕНТНАЯ ГАРАНТИЯ ПОЛУЧЕНИЯ СВЕЖЕГО НОМЕРА ЖУРНАЛА «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»!

СТОИМОСТЬ ЖУРНАЛА ПО ПОДПИСКЕ – НА 35 % НИЖЕ РОЗНИЧНОЙ

иных работ. Суслов – сугубо партийный функционер, охранитель догматического порядка. Однако функции, которые они выполняли, были идентичны: определение базисных ценностей и их защита всеми доступными средствами.

Здесь важно подчеркнуть: мало признавать возможность развития, прогресса в узко очерченных пределах, что делали идеологи охранительного толка. Важно допускать возможность инакомыслия, более того, видеть правоту в тех идеях, которые защищают идеологи альтернативных течений и направлений. А вот этого недоставало как К.П. Победоносцеву, так и М.А. Сулову. Хотя история все же чему-то учит: Николай II предпочел отречься, но «не сдал» монархический принцип. Б.Н.Ельцин, при всей противоречивости и непоследовательности его политики, все же не стал цепляться за власть в духе известных деятелей брежневского периода и тем самым способствовал укреплению демократических начал.

Фактически ровно через столетие после катковско-леонтьевских откровений и соответствующей практики советское государство повторило основные ошибки идеологов поры Константина Победоносцева. Охранительная идеология превратилась в самоцель, в идеологическом аспекте все иные точки зрения были загнаны внутрь, в подполье, альтернативные концепты воспринимались лишь в качестве объекта для уничтожающей критики. В итоге охранители уничтожили сами себя.

В связи с этим есть смысл обратиться к политической практике России и Беларуси.

Казалось бы, объявленная Президентом России Д.А. Медведевым модернизация страны лежит вне охранительной идеологии. И тем не менее, из уст идеологов Кремля все время слышатся утверждения, что эта политика – консервативная по своей сути.

Отвлекаясь, заметим, что слыть консерватором вновь стало модно. К ним причисляет себя даже г-н Зюганов, лидер КПРФ, утверждая, что ресурс революций партия исчерпала. Но дело не в том, кто является консерватором, а в том, какие базисные ценности идеология должна консервировать.

Ведь если послушать руководителей России, то становится понятно: страна накануне системного кризиса. Коррупция, неуправляемость системы МВД, война на Кавказе, угроза технологических катастроф, экологические катаклизмы, проблемы демографические, пьянство и т.д. Очевидно, что никто не хочет консервировать статус-кво, уж слишком непрезентабельно оно выглядит. Многие говорят о важности преодоления бедности, поскольку Россия, несмотря на все ее богатства и сформировавшуюся группу нуворишей, бедная страна.

Но один вывод несомненен: понимание базисных ценностей, несмотря на многие заявления, не сформировано. Как зло иронизируют некоторые публицисты, у России есть одна базовая идея, идея крепостничества, сохраняющаяся, в той или иной мере, до сих пор. Получается, что «консервировать» особенно нечего, кроме уже апробированных максим: православие, государственность, народ. Все ссылки на некую «свободу» и такую же «справедливость» не выдерживают критики даже среди идеологов «Единой России».

Вообще говоря, в смысле отрицательной теории развивается, все понимают, чего делать не надо. Хуже с позитивной составляющей: ее как не было, так и нет. В результате многочисленных дискуссий приходят к выводу, что может быть востребован лозунг «Умеренный прогресс в рамках порядка», но тут же сами оспаривают его. Утверждают принцип «Россия, вперед, к консерватизму», однако затрудняются определить этот самый консерватизм. Да и как совместить такие понятия, как «прогресс» и «консерватизм», в новых условиях – не всем понятно.

В модернизационном российском проекте много говорится о силе закона, его диктатуре. Говорится даже о том, что основной в стране должна стать «партия юристов». Оппоненты же утверждают, что закон сам по себе мертв, нужна «душа» перемен, а душа – это личность, конкретный человек. Здесь сразу же вспоминаются слова М.Н. Каткова по этому поводу. Известный публицист писал: «Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства. Но вы возразите мне, что душой государства должен быть закон. Закон необходим, до-

статочен, благотворен; но закон в хартиях и книгах есть мертвая буква: ибо сколько раз можно наблюдать в царствах, что закон в книге осуждает и наказывает преступление, а между тем преступление совершается и остается ненаказанным; закон в книге благоустроит общественные звания и дела, а между тем они расстраиваются. Закон, мертвый в книге, оживает в деяниях; а верховный государственный деятель и возбудитель подчиненных деятелей есть царь» [1, с. 118].

Всем понятно, что следует искать нужное сочетание консерватизма и модернизации, но пропорции этого сочетания неизвестны. Есть потребность в социальных алхимиках, идеологах, которые смогли бы сформулировать рождающиеся в муках истины.

Но эти же острые вопросы в той или иной мере присущи и белорусской политической, идеологической практике. Вновь приходят на ум слова М.Н. Каткова, звучащие очень современно: «Наше поколение держит в своих руках историческую будущность русского народа. Наша задача так колоссальна, что поневоле становится жутко» [1, с. 60]. Без всякой жути можно констатировать, что нынешнее поколение белорусов держит в своих руках судьбу белорусского народа.

И ведь охранительные идеи как консервативные, традиционалистские по характеру феномены востребованы и сегодня, поэтому не надо бояться говорить об идеологической практике в контексте охранительной идеологии. Конечно, не нужно цепляться за отжившие формы, но надо охранять наши национальные ценности. Что, собственно, и делается. Не надо все время смотреть назад, клясться прошлым, но надо видеть в этом прошлом то, что позволяет нам смело смотреть в будущее. Не надо мыслить в категориях одной истины, однако надо уметь защищать свое видение национальных перспектив.

Скажут: ведь охранители проиграли, надо ли брать на вооружение психологию проигравших? Но разве они проиграли? Разве не говорят ныне в России о важности духовных достижений православия? Разве не утверждают там собственную политическую самобытность? (Вспомним известный тезис о суверенной демократии.) Разве не

Во время торжественного приема в пионеры на площади Победы в Минске

говорят о народе, народности как носителе правды, справедливости, совести? Достаточно обратиться к программным текстам «Единой России», чтобы убедиться, что тезисы охранительной идеологии поныне остаются чрезвычайно злободневными.

Более того, обращение к практике развития многих западных стран также убеждает, что весьма ощутимый прогресс в них был достигнут под консервативными флагами и лозунгами.

Подводя итог, думается, важно констатировать, что преемственность – это не только философская категория. Это и понимание вполне обыденных жизненных вещей, вроде того, что отцы и деды жили недаром, что мы не просто помним о них, но мы и уважаем их дело. Традиции – это не просто музыка, танцы, фольклор. Они связаны и с политическим устройством, и с уважением к формам общественного мироустройства. Это и те неразвитые элементы гражданского общества, которые мы воспроизводим сегодня. Словом, все это меньше всего прошлое, это наши сегодняшние реалии, которые мы обязаны передать дальше. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Катков, М.Н. Идеология охранительства / М. Катков. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 800 с.
2. К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: в 2 т. / К.П. Победоносцев. – Минск: Харвест, 2003. – Т. 1. – 448 с.
3. К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: в 2 т. / К.П. Победоносцев. – Минск: Харвест, 2003. – Т. 2. – 672 с.
4. Леонтьев, К. Поздняя осень России / К. Леонтьев. – М.: АГРАФ, 2000. – 336 с.
5. Милюков, П.Н. Воспоминания: в 2 т. / П. Милюков. – М.: Современник, 1990. – Т. 1. – 446 с.
6. Милюков, П.Н. Воспоминания: в 2 т. / П. Милюков. – М.: Современник, 1990. – Т. 2. – 446 с.